

Мани

Тан Пань Тин в подавленном состоянии бродила по улицам. Промоутер вручил ей флаер: "188 долларов за пять часов пения".

В честь открытия караоке-бара на флаере был нарисован праздничный торт, это привлекло внимание Тан Пань Тин. В животе у нее заурчало. Она вспомнила, что не успела съесть свой обед, как этот гребаный ублюдок подставил ее, а стерва ее уволила.

Тан Пань Тин вошла в караоке-бар. Официантки отнеслись к ней как к особе королевской крови, потому что был понедельник и на торжественное открытие караоке-бара пришло не так уж много посетителей.

— Мисс, меня зовут Мани, я провожу вас в VIP-зал.

Тан Пань Тин была слишком погружена в мысли о своем одиноком и безработном положении, чтобы задуматься о том, что Мани — довольно странное имя (Money в пер. с англ. деньги).

В караоке-зале Тан Пань Тин исполнила подряд десять песен о разбитом сердце. Обычно она пела хорошо, но из-за алкоголя и гнева голос ее надрывно скрипел. Для пятичасового певческого марафона она продолжала выбирать песни, вроде "Разбитого сердца в аду".

Возле караоке-зала Тан Пань Тин две официантки сплетничали.

— Не ожидала, что женщина ее возраста придет в караоке-бар в середине дня в понедельник. Почему она не на работе?

— Разве ты не видела ее красные глаза и большую пачку денег в кошельке? — спросила Мани.

— Что ты имеешь в виду? — спросила официантка.

— Она работает по ночам, — сказала Мани и подмигнула.

— Оу... — глаза официантки округлились.

Если бы Тан Пань Тин услышала, как две официантки предположили, что она проститутка, она бы вышла из караоке-зала и надавала бы им по ушам.

Тан Пань Тин ничего не слышала, зато разговор двух официанток услышал пожилой толстяк лет сорока, когда выходил из туалета. Он подождал, пока они уйдут обслуживать другого клиента, прежде чем войти в караоке-зал Тан Пань Тин.

Пань Тин сняла куртку, потому что ей было жарко петь в отдельной комнате. На ней был красный рабочий костюм с открытой спиной и розовый бюстгалтер под курткой. Когда она почувствовала, как чья-то толстая рука коснулась ее спины, она закричала в микрофон.

— Убери от меня свои грязные лапы!

Старик достал несколько стодолларовых купюр и сунул их ей в карман. Он любил красивых женщин, особенно, если они лежали на ложе из его денег.

— Позволь мне как следует позаботиться о тебе, — сказал старик. — Тебе не обязательно притворяться скромницей. Я знаю, ты любишь деньги. Я могу дать тебе денег. Я могу сделать тебя знаменитой проституткой, если ты хорошо проведешь со мной время.

Тан Пань Тин дала старику пощечину, пнула его по яйцам и ударила сумкой по голове.

— Ублюдок, я не проститутка, — сказала Тан Пань Тин. — Тебя поджарят в аду, как жирную свинью. Я вызову полицию, чтобы тебя арестовали.

Старик скрючился от боли, а затем в комнату вошли его люди.

— Вот и вы, — сказал один из мужчин. — Мы вас искали.

Глаза старика заблестели, и он указал на Тан Пань Тин.

— Не стесняйтесь приласкать эту женщину, — сказал старик. — Сегодня я угощаю.

Он хотел заставить Тан Пань Тин заплатить за то, что та осмелилась ударить его.

Группа мужчин удерживала Тан Пань Тин.

— Ах! — она закричала. — Кто-нибудь, помогите! В комнате насильники! Помогите! Кто-нибудь, вызовите полицию! Вы, ублюдки, уберите от меня свои руки!

Внезапно дверь взломали копы. Мани вызвала полицию, когда увидела, что в комнату к Тан Пань Тин вошла группа подозрительного вида мужчин.